

В этом году исполняется 50 лет со дня вероломного нападения на нашу страну фашистской Германии. Все 1418 дней войны советские люди в боях и труде шли к Победе, приближая в бою, у станка, в поле, на сценической площадке этот светлый праздник.

Свой вклад в Победу внесли и работники Большого театра — те, кто в годы войны боролся с врагом с оружием в руках, и те, чьим оружием было их искусство.

Все меньше среди нас участников и свидетелей тех

грозных лет. Поэтому страницы газеты мы представляем бывшему фронтовику, солисту оперы Ю. Деметьеву, рассказываем о ветеранах войны и труда, работнике электротехнического цеха Ф. Аверине, перечисляем из нашей газеты прошлых лет странички из фронтового дневника С. Звигиной, обращаемся к воспоминаниям покойных ныне М. Габовича и А. Варламова. Эти воспоминания в разные годы были опубликованы в нашей газете.

Ничто не забыто, никто не забыт.

Большой театр - 1991 - 2 марта 1991

Москва, 1941...

14 октября в Куйбышев был эвакуирован весь личный состав Большого театра СССР вместе с декорациями, костюмами, реквизитом.

Тогда я был политруком роты, а затем комиссаром истребительного батальона Свердловского района, куда залезился добровольцем. Батальон стоял под Москвой на рубежах. Провожая громадной эшелон «куйбышевцев», я прощался с товарищами, друзьями, с которыми 17 лет пробыл или «протанцевал» на сцене Большого театра. Неизвестно, увидимся ли и когда!

Город переживал тяжелые дни эвакуации гражданского населения. Слухи летали над городом. В течение двух-трех дней Москва преобразилась, подобралась и стала спокойной и грозным прифронтовым городом. Уехали все, кого надо было перебазировать на восток. Конечно, в Москве осталось много народу, но по сравнению с обычной «нормой», город был почти пустой.

Оставались и некоторые артисты. Причины были разные: состояние здоровья, семейные сложности с эвакуацией и так далее. Наш любимый дом, Большой театр, был закрыт. И закрыт накрепко. Кроме аварийной и пожарной команд, там не было никого. Пустующие помещения Филиала превратились в нечто вроде «клуба» для оставшихся. Группа артистов написала письмо в правительство с просьбой восстановить спектакли в Филиале. Последовало решение: открыть Филиал Большого театра.

Я был назначен директором и художественным руководителем Филиала. Наша организационная и творческая деятельность началась с... общего собрания. Был «пересчитан» состав работников театра, имеющихся в наличии. Брошен призыв отыскать по городу товарищей, связанных ранее с Большим театром. И закипела работа. Трудностей было много. Прежде всего почти беспрерывные бомбежки, особенно со второй половины дня. Ранний комендантский час. Ночные дежурства на крышах и у подъездов. Весьма ограниченный «инвентарный» рацион. И хотя слухи — «где именно фашисты», на скольких километрах от города» — нет-нет да и просачивались внутрь театра, начало работы, сознание, что своим делом выполняешь долг, преобразило многих. Нытиков не оказалось. Вообще должен сказать, что за долгие годы работы в театре я не помню в нашей среде такой сознательной дисциплины, товарищеской сплоченности, самоотверженности, как в этот период деятельности Филиала. Это относится ко всем: и к крупнейшим артистам, и к обслуживающему персоналу. Всех мобилизовало чувство личной ответственности перед Родиной, перед Москвой, перед армией, бойцы которой почти каждый день заполняли зал...

Специфически театральные трудности у нас было более чем достаточно, начиная от укомплектования многочисленных творческих коллективов до подбора разнообразных декораций и костюмов. Кстати, о декорациях. Выезжая как-то на Ангары, я увидел, что декорация балета «Тарас Бульба» В. Соловьева-Седова, поставленного перед самой войной, «амортированы» в баррикады. Так Тарас Бульба продолжал служить Родине.

Торжественное, если можно так сказать, открытие Филиала состоялось 9 ноября 1941 года. Мы дели Большой концерт. Он начался в

2 часа дня. Позднее было кельзя: мешали регулярные бомбежки, быстро сгущающаяся темнота. Верным признаком состояния дел на фронте служило время начала наших спектаклей. По мере продвижения нашей армии на запад занавес открывался все в более привычные часы.

22 ноября мы показали «Евгения Онегина», а 23-го — балет «Щелкунчик» с предосторожностью. К этому времени нам уже удалось создать достаточно «мощные» коллективы солистов оперы, хора, оркестра, балета, отчасти — миманса: укомплектовать обслуживающий персонал, оживить работу мастерских, разобраться в имеющихся декорациях и костюмах. Хочу привести имена артистов, принимавших участие в первых спектаклях Филиала, а также в многочисленных выездных концертах на фронт. Н. Обухов, Е. Степанова, С. Лемешев, Е. Катуськина, Н. Озеров, И. Бурак, А. Орфенов, Д. Головин, С. Юдин, А. Садомот, С. Панова, Н. Чубанко, В. Мальшес, Г. Пасечник, А. Мохова, А. Бобков, В. Политковский, Л. Саварский, М. Баратова, Г. Марковский и другие солисты оперы; в балете: Т. Бессмертная, Л. Банк, В. Кудрявцева, А. Руденко, В. Голубин, В. Смольцов, В. Рябцев, А. Бугаков, С. Чудинов. Балетмейстеры И. Смольцов, Е. Долгинская. Дирижировали спектаклями С. Сахаров, А. Чугунов, Н. Крамарев. Художники В. Максимов, Л. Федоров, В. Лукецкий...

Первый концерт — открытие — сопровождался большим успехом и... тремя воздушными тревогами. По строгим инструкциям во время воздушной тревоги мы должны были прекращать репетиции и спектакли, освобождать зал от зрителей. Публике предлагалось проследовать в метро «Площадь Свердлова». Поначалу инструкция кое-как выполнялась. Но затем, в лучшем случае публика выходила в нижний вестибюль, а в худшем — настойчиво требовала продолжать спектакль. Что касается артистов, то они «отсиживались» в своих уборных.

Помню такой случай. Шел «Евгений Онегин». Со мною рядом в ложе сидел командующий ПВО города Москвы. На сцене С. Лемешев только что своим удивительным голосом задал классический вопрос: «Что день грядущий нам готовит?». И как раз в этот момент сообщили, что в городе объявлена воздушная тревога. Как быть? Прервать спектакль? Я склоняюсь к командующему и сообщаю суть дела. Он отвечает: «Подождают». Выходим в аванложу. Он набирает номер телефона. Задает вопросы:

«Сколько? Каким курсом летят? Какие квадраты? Как встречают? Выслушаю ответы и немного подумаю, говорит: «Может продолжить». После гримингового бала — снова тревога. Снова склоняюсь к командиру. Снова поднимаются телефонная трубка, задаются те же вопросы и... ответ: «Прерывать не следует». Ситуация опасная. И может быть, на длительные времена. И так было почти каждый день с той только разницей, что командующий не мог быть у нас часто, и мне приходилось самостоятельно решать — прерывать или продолжать спектакль.

Коллектив работал напряженно, ладно и быстро. Балет репетировал в вестибюле при развешивании на холодном каменном полу. Сцену «делили» по-братски — то опера, то балет. Стремился «держать» качество спектаклей как можно выше. За короткое время до конца 1941 года мы показали «Евгения Онегина», «Щелкунчик» с предосторожностью, «Русалку», «Риголетто», «Демона», «Конек-горбунка», «Травнику». И каждый спектакль был в наших условиях проблемой. Это был период, так сказать, «восстановления» старого. В 1942 году мы позволили себе создать «собственные» премьеры. Поставили «Тоску», «Севиальского цирюльника» (режиссер С. Юдин), балет «Дон Кихот» (в новой сценической и музыкальной редакции и инструментке) при участии автора этих строк и К. Голышевского; возобновили «Лебединое озеро», «Копеллию», «Шопениада» и «Баядерку». Самым же значительным итогом явилось создание и постановка первой советской оперы о войне — «В огне» Д. Кабалевского!

Кто же смотрел спектакли? Зрители были гордостью всех работающих в театре. Было время, когда от театра до передовой авиалинии или исправный грузовик доезжал за 30—40 минут. Сколько бойцов проходили на фронт через наш театр! Сколько фронтовиков с близкими подступов и Москве, попавая в город, посещало Большой Партизан, прилетавшие в Москву из глубоких тылов, были желанными гостями. Военные корреспонденты, докторы которых перекрещивались в Москве, успевали зайти к нам. Рабочие оборонных заводов, партийный актив, москвичи... Иногда зал был суров, молчалив, сосредоточен. Иной раз бурно шумели, протестуя, особенно когда приходилось объявлять «перерывы». И хотя непонятно откуда, но это факт: «появлялись» юные создания, которые на самых высоких нотах, по довоенному образцу кричали нашему общему любимцу Сергею Лемешеву: «Браво! Бис! Лемешев... Лемешев!».

Если бы меня спросили, какой спектакль оставался наибольшее впечатление у наших воинов, я ответил бы — «Евгений Онегин». Каждый я привез в театр два роты из батальона, в котором ранее служил. В беседе с бойцами я услышал такие простые, сердечные и точные отзывы, которые не выразил бы; пожалуй, и самый профессиональный критик. А самое главное — я почувствовал, что люди горды своим искусством, своей национальной классикой, тем, что именно они наследники прекрасного. Чувство советского патриотизма умножалось волнующим сознанием красот русского искусства. Да, так оно и было — без громких слов и речей...

М. ГАБОВИЧ,
народный артист РСФСР.